

НОВАЯ ДОКТРИНА НАРОДНАГО СУВЕРЕНИТЕТА ВО ФРАНЦУЗКОМЪ ГОСУДАРСТВОВЪДѢНІИ.

Н. И. Палиенко.

Господствующими со времени великой французской революціи концепціями французской доктрины публичнаго права и признанными началами французскаго конституціоннаго права являются: пониманіе государства какъ олицетворенной націи, народный суверенитетъ и делегация суверенною націею властей правительству. Несмотря, однако, на весь республиканскій и демократическій характеръ французской доктрины народнаго суверенитета, основные логическіе элементы ея, самая концепція суверенитета и его делегации, сложились въ эпоху монархіи и примѣнительно къ монархической власти; послѣдующая трансформация этой концепціи заключалась собственно въ замѣнѣ субъекта суверенной власти,— монарха, коллективнымъ сувереномъ—націей (*peuple en corps*).

Въ долгій періодъ концентрации, укрѣпленія и постепенной абсолютизации государственной власти во Франціи подъ эгидой королей, французскіе юристы съ чрезвычайнымъ усердіемъ формулировали идею монархическаго суверенитета и положили ее въ основу государственно-правовой конструкции французской монархіи.

По мѣрѣ того, какъ король изъ сеньюральнаго суверена постепенно превращался въ верховнаго и абсолютнаго главу государства, все болѣе умножались атрибуты монархическаго

суверенитета и абсолютизировалось его понятие. Уже с XV вѣка суверенитетъ во Франціи приписывается лишь одному королю, какъ обладателю всей полноты государственной власти. Во второй половинѣ XVI вѣка Жанъ Боденъ развиваетъ цѣлую теорію государственнаго суверенитета, придавая ему значеніе высшей и абсолютной власти, и сливаетъ этотъ суверенитетъ въ монархію съ властью монарха. Въ XVII вѣкѣ юристъ Луазо пишетъ, что суверенитетъ есть форма, опредѣляющая бытіе государства; суверенитетъ и государство, конкретно взятые, тождественны; государство потому называется „état“, что суверенитетъ есть та высшая стадія власти, на которой государство устанавливается и утверждается. Держателями суверенитета во Франціи являются короли. Французскіе короли путемъ добровольной уступки со стороны народа и въ силу давности приобрѣли въ собственность суверенитетъ; французская монархія является наилучше устроенной монархіей, будучи монархіей „royale“, а не „seigneuriale“, обладаетъ совершеннымъ суверенитетомъ, въ которомъ сословія не имѣютъ никакого участія. Другой юристъ Cardan le Bretъ въ своемъ трактатѣ „О королевскомъ суверенитетѣ“ поясняетъ, что „французскіе короли, получая свой скипетръ только отъ Бога, не подчиняясь никакой земной власти и обладая всѣми правами, приписываемыми абсолютному и совершенному суверенитету, являются вполнѣ суверенными въ своемъ королевствѣ“.

Оппозиціонныя идеи XV и XVI в. народнаго суверенитета и сословныхъ правъ, правъ парламента и верховенства основныхъ законовъ, были подавлены развитіемъ монархическаго абсолютизма, и въ послѣдніе вѣка стараго порядка официальная доктрина монархическаго суверенитета восторжествовала въ ея крайнихъ абсолютистическихъ формахъ. Король есть источникъ всей власти; законы—его воля, и воля его—законъ; обладая властью по собственному праву во всей полнотѣ и неограниченности, король делегируетъ осуществленіе ея всѣмъ прочимъ органамъ власти.

Но во второй половинѣ 18-го вѣка начинается во Франціи побѣдоносное движеніе идей народнаго суверенитета, столь

арко и обаятельно для современников обоснованной и формулированной знаменитым женеvскимъ философомъ въ его „Общественномъ договорѣ“. Революціонная эпоха объявляетъ принципъ народнаго суверенитета основою всего государственнаго строя обновленной Франціи и надѣляетъ суверенный народъ всѣми традиціонными атрибутами монархическаго суверенитета. Коллективный суверенъ-нація, понимаемая или какъ совокупность французскихъ гражданъ, или, по господствующему воззрѣнію, какъ корпорація народа, моральное цѣлое, какъ „peuple en corps“, признается, какъ и ъкогда монархъ, самодержавной носительницей и распорядительницей всей государственной власти. Народъ делегируетъ осуществленіе этой власти всѣмъ правительственнымъ учреждениямъ и лицамъ непосредственно или черезъ своихъ представителей въ порядкѣ и формахъ, опредѣленныхъ конституціей; конституція же сама является учредительнымъ актомъ сувереннаго народа, выраженіемъ его общей воли „volonté générale“. Начало суверенитета, по существу своему, покоится въ націи, — провозглашаетъ декларація правъ человека и гражданина. „Никакая корпорація или индивидъ не могутъ осуществлять власть, которая явно не истекала бы отъ націи. Суверенитетъ единъ, неделимъ, неотчуждаемъ и не подлежитъ давности. Онъ принадлежитъ націи; никакая часть народа и никто изъ индивидовъ не могутъ присвоить его осуществленіе“, — говорится въ конституціи 1791 г. Въ такой концепціи принципъ народнаго суверенитета формулируется съ тѣхъ поръ въ цѣломъ рядѣ французскихъ конституцій, поддерживается господствующей политической доктриной и рассматривается юристами какъ основное начало публичнаго права Франціи даже въ періоды цезаризма и захвата власти революціонными правительствами. Воскрешеніе въ харгін 1814 г. монархическаго принципа, въ конституціонной его трансформациі, явилось лишь преходящей попыткой реставраціи идейнаго начала стараго режима, утратившаго совершенно свои реальныя основы. Принципъ народнаго суверенитета восторжествовалъ. Указанныя выше его формулы являются, по замѣчанію одного изъ выдающихся представителей науки госу-

дарственного права во Франціи, проф. Дюги, „для известной политической школы неприкосновенными догматами, на подобие религиозных откровений, и бесспорно продолжают быть положительными принципами публичного права Франціи“ ¹⁾. Известный представитель господствующей во Франціи доктрины конституціоннаго права Эсменъ даетъ слѣдующее обоснованіе принципа народнаго суверенитета. Народный суверенитетъ, говоритъ онъ, не основывается только на разумѣ и правахъ индивида; онъ является также единственнымъ точнымъ и адекватнымъ юридическимъ объясненіемъ того безспорнаго социальнаго факта, что повиновеніе не можетъ быть получено иначе, какъ вслѣдствіе присоединенія общественнаго мнѣнія. Признать, организовать и уважать національный суверенитетъ, это значитъ придать общественному мнѣнію юридическую цѣнность, законный авторитетъ“ ²⁾.

Но въ послѣднее время во Франціи противъ сложившейся доктрины народнаго суверенитета выступаютъ выдающіеся представители публично-правовой науки: Дюги и Ориу. Дюги отвергаетъ вовсе принципы суверенитета государственной власти и народнаго суверенитета, замѣняя ихъ принципомъ верховенства права, какъ нормъ социальной солидарности. Ориу же, удерживая понятіе суверенитета, пытается трансформировать господствующую доктрину народнаго суверенитета. Возражая противъ доктрины народнаго суверенитета, Дюги замѣчаетъ, что мнимый догматъ народнаго суверенитета не имѣетъ никакой цѣнности и является праздною гипотезой, бесполезнымъ постулатомъ: во-первыхъ, суверенитетъ коллективности предполагаетъ, что эта коллективность является особой личностью и имѣетъ волю, отличную отъ воль составляющихъ ее индивидовъ; но это не доказано и не можетъ быть доказано. Для построения этого общаго коллективнаго лица Гоббесъ, Руссо и ихъ послѣдователи прибѣгли къ пустой и исторически ложной гипотезѣ общественнаго договора; но, если даже допустить молчаливый договоръ между всѣми членами общественнаго тѣла, то и въ этомъ случаѣ

¹⁾ Duguit, Traité de droit constitutionnel 1911 t. I, p. 33.

²⁾ Esmein, Eléments de droit constitutionnel, 1909 pag. 239 s.

не может возникнуть общая воля. Въ силу общественнаго договора члены одной и той же коллективности хотять одного и того же, но отсюда еще не слѣдуетъ, что изъ такого согласія воля образуется воля, отличная отъ согласныхъ индивидуальныхъ волей. Далѣе, если бы и существовала такая воля, нельзя доказать, что она, будучи таковой же человеческой волей, какъ и воля индивидовъ, можетъ подчинять себя ихъ; нельзя поэтому доказать законность власти олицетворенной коллективности. Говорить, что революція поставила божественное право народа на мѣсто божественнаго права королей; это — вѣрно; но утверждать, что коллективность имѣетъ законную власть повелѣвать на томъ только основаніи, что она коллективность, представляетъ такое же метафизическое или религиозное утвержденіе, какъ и утвержденіе божественнаго права монарховъ. Руссо, желая выйти изъ этого затрудненія, прибѣгъ къ чистому софизму, что „каждый, отдавался всѣмъ, отдается лишь себѣ“. Въ дѣйствительности эта мнимая общая воля выражается лишь при посредствѣ большинства, и государственная власть, власть господства, принадлежитъ большинству, подчиняющему своей волѣ меньшинство. Законность же подчиненія большинствомъ меньшинства недоказуема, утверждаетъ Дюги, хотя бы это меньшинство состояло лишь изъ одного человѣка. Власть большинства можетъ быть фактической необходимостью, но она не можетъ быть законной властью. Данное Эсменомъ обоснованіе принципа народнаго суверенитета, по мнѣнію Дюги, неубѣдительно. Дѣйствительно, въ каждый данный моментъ въ каждой націи существуетъ известное число идей, образующихъ то, что называется общественнымъ мнѣніемъ, и тѣмъ охотнѣе повинуются власти, чѣмъ больше она сообразуется съ общественнымъ мнѣніемъ. Но это ничуть не доказываетъ существованія національной суверенной воли, выражаемой большинствомъ произвольно организованнаго избирательнаго корпуса; это показываетъ лишь обязанность стоящихъ у власти сообразоваться съ общественнымъ мнѣніемъ. Подъ видомъ юридической конструкціи общественнаго мнѣнія создаютъ метафизическую концепцію, лишенную реальности и цѣнности. „Болѣе, чѣмъ кто бы то